

http://nova.iatp.by/03/benjamin_kratkaya-istoria-fotografii.pdf (дата обращения: 30.04.2022). – Текст: электронный.

3. Каган, М. Функционирование фотографии в современной культуре / М. Каган // Советское фото. – 1982. – № 4. – С. 26-27.

4. Картье-Брессон, А. Воображаемая реальность: эссе / А. Картье-Брессон. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс: Изд-во К. Тублина, 2008. – 128 с.

5. Кракауэр, З. Природа фильма: реабилитация физической реальности / З. Кракауэр. – Москва: Искусство, 1974. – 423 с.

6. Михалкович, В. Проблемы творчества / В. Михалкович // Фотография: проблемы поэтики. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 66–77.

7. Савчук, В. Философия фотографии / В. Савчук. – Санкт – Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005.– 256 с.

8. Хренов, Н. Фотография в контексте культуры / Н. Хренов // Фотография: проблемы поэтики. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 36–60.

9. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Москва: Искусство, 1993. – 303 с.

10. Эйзенштейн, С. Избранные произведения: в 6 т / С. Эйзенштейн. – Москва: Искусство, 1966. – Т. 4. – 790 с.

УДК 930.1:94(47)"1950/1960"

ББК 63.1(2)63

Л 22

Ландина Лариса Владимировна

Белорусский государственный университет

культуры и искусств

**ПАРАДОКСЫ ЭПОХИ ОТТЕПЕЛИ: РАБОТА О.Л.
ВАЙНШТЕЙНА НАД «ИСТОРИЕЙ СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ»
В ДОКУМЕНТАХ НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА САНКТ-
ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК (НИА СПбИИ РАН)**

Аннотация. Либерализация эпохи оттепели в Советском Союзе была регулируемым сверху процессом с имплицитно проведенными границами. Это обстоятельство наглядно подтверждается архивными документами, отражающими процесс создания О. Л. Вайнштейном (1894–1980), одним из ведущих советских медиевистов и историографов, обобщающей монографии «История советской медиевистики» (1968). Документы фонда

О. Л. Вайнштейна в Западной секции НИА СПбИИ РАН содержат ряд правок и изъятий, демонстрирующих, с одной стороны, ограничение авторской интерпретации, с другой – официальный дискурс советской послевоенной историографии.

Ключевые слова: эпоха оттепели, советская историография, медиевистика, ленинградская школа медиевистики, О. Л. Вайнштейн, архив, документ, дискурс.

Landina Larisa Vladimirovna
Belarusian State University of
Culture and Arts

**PARADOXES OF THE THAW AGE: O. L. VAINSHTEIN'S WORK
ON THE "HISTORY OF SOVIET MEDIEVAL STUDIES"
IN THE DOCUMENTS OF THE SCIENTIFIC HISTORICAL
ARCHIVE OF THE ST. PETERSBURG INSTITUTE OF HISTORY OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (SHA SPbIH RAS)**

Abstract. Liberalization in the Soviet Union during the thaw era was a process regulated from above with implicitly drawn boundaries. This circumstance is clearly confirmed by archival documents reflecting the process of creation the monograph "History of Soviet Medieval Studies" (1968) by O. L. Vainshtein (1894–1980), one of the leading Soviet medievalists and historiographers. The documents of the O. L. Weinstein Foundation in the Western Section of the SHA SPbIH RAS contain a number of corrections and deletions, demonstrating, on the one hand, the limitation of the author's interpretation, and, on the other hand, the official discourse of Soviet post-war historiography.

Keywords: thaw era, Soviet historiography, medieval studies, Leningrad school of medieval studies, O. L. Vainshtein, archive, document, discourse.

Период в истории Советского Союза, охвативший примерно десятилетие с середины 1950-х до середины 1960-х годов, получил в исторической науке название оттепели. В связи с развенчанием культа личности Сталина в 1956 г. и «курсом XX съезда» произошла частичная демократизация общественной жизни, интеллектуальной сферы, социальной политики. Эти процессы непосредственным образом затронули и историческую науку. Внешним индикатором либерализации был выход советских историков из международной изоляции. Это произошло в 1955 г. с участием советских ученых в работе Римского конгресса историков [1, с. 242],

что прервало более чем двадцатилетний период изоляции советской исторической науки (последний международный конгресс с участием советских историков прошел в 1933 г. в Варшаве).

Российский историограф Л. А. Сидорова содержательно характеризует эту эпоху советской историографии, указывая на такие ее тенденции, как отказ от сталинского прочтения истории, переосмысление марксизма и стремление советских историков к истине. Однако о пересмотре марксистской методологии речь не шла, все предлагаемые советскими историками инновации находились в очерченных границах [7, с. 3–4]. Эта ситуация разрешенной свободы и творческого развития марксизма подразумевала, что советские историки по умолчанию понимали меру дозволенного. Однако во второй половине 1950-х гг. даже эти, зачастую расплывчатые из-за субъективности и вариативности толкования марксизма, установки значили немало. После десятилетий жестких партийных указаний у советских историков появилась хотя бы относительная свобода действий.

Важным для развития советской историографии было и то обстоятельство, что, по верному замечанию Л. А. Сидоровой, в 1950-х гг. марксизм и социологическая модель построения истории еще не утратили своего ресурса [7, с. 3–4]. Более того, они были достаточно актуальны и на Западе. Достаточно вспомнить французскую школу «Анналов», среди представителей которой марксизм был весьма популярен, и набиравшую силу парадигму социальной истории. Аргументами в пользу марксизма в любой его модификации было развитие методов клиометрии и акцент на материальных и социальных аспектах истории. Это привело к пониманию значимости источников, широкому введению их в оборот и публикации. Наконец, советские историки не могли не признавать роли марксизма как идеологии страны, в которой они жили и работали. Советская же система в рассматриваемую эпоху демонстрировала свои сильные стороны.

Как воспринимались официально провозглашенные идеи обновления марксизма в академическом сообществе? Санкт-Петербургские историки Г. Е. Лебедева и В. А. Якубский отмечали, что «потепление политического климата шло исподволь, но зримо» с весны–лета 1953 г. [3, с. 108].

Современник событий, доктор исторических наук франковед В. П. Смирнов вспоминал: «Эти события, начавшиеся после смерти Сталина (разоблачение Л. П. Берии, прекращение дела врачей, секретный доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС), общеизвестны, но, пожалуй, лишь тот, кому довелось их пережить, может до конца понять, насколько они поражали воображение и чувства современников. Разумеется, на историческом

факультете МГУ, как и по всей стране, горячо обсуждались эти ошеломляющие события, буквально взрывавшие прежние представления об СССР, коммунистической партии и советской власти; переворачивающие то, чему раньше учили и во что многие верили» [8, с. 10–11].

На историческом факультете ЛГУ была схожая атмосфера: «Члены кафедры (истории средних веков – Л. Л.) по-разному выражали свои чувства, но зачитываемый тогда по предприятиям и учреждениям закрытый доклад Н. С. Хрущева потряс всех. Даже Александра Дмитриевна (Люблинская, одна из ведущих медиевистов, палеограф – Л. Л.), которая по работе избегала всяких разговоров о политике (а по свидетельству А. Д. Роловой (медиевиста, исследователя Италии), не касалась этой темы и в кругу близких людей), изменила своему обыкновению. Весной 1956 г. она чуть ли не каждый день рассказывала на кафедре о наблюдаемых сдвигах. Однажды радостно объявила, что спецхран доживает свои последние дни. Присутствующие выразили сомнение, и, к сожалению, оказались правы» [3, с. 108–109].

Однако необходимо понимать, что, несмотря на декларируемые призывы к обновлению исторического знания, советские историки, прошедшие через чистки, разборки и репрессии прошлых десятилетий, несомненно, работали в режиме внутренней цензуры. Это обстоятельство образно выразил исследователь Византии А. П. Каждан: «Сталинизм не был просто грубой одеждой, наброшенной на наше нежное тело, мы срослись с ним и не могли его сбросить одним небрежным движением» [2, с. 44]. Что получалось, если советские историки пытались сделать это «небрежное движение»?

В Западноевропейской секции (ЗЕС) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН) существует личный фонд № 15 одного из крупнейших ленинградских медиевистов и историографов Осипа Львовича Вайнштейна (1894–1980). О. Л. Вайнштейн заведовал кафедрой истории средних веков ЛГУ в 1935–1950 гг., работал в Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ) в 1955–1973 гг. В 1949 и 1950 гг. во время кампании по борьбе с космополитизмом он был уволен соответственно из ЛОИИ и ЛГУ и до 1955 г. был заведующим кафедрой истории в Киргизском государственном университете во Фрунзе. Вайнштейн является автором 122 работ, в том числе пяти монографий, среди которых вышедшая в 1968 г. «История советской медиевистики» была четвертой [6, с. 3].

О. Л. Вайнштейн работал над «Историей советской медиевистики» в середине 1960-х гг. Варианты глав «Истории» сохранились в 10 и 11 делах¹⁵

фонда Западноевропейской секции. Сопоставление трех редакций авторской рукописи и содержания напечатанной главы «Истории советской медиевистики» демонстрирует то, как работа задумывалась автором, и то, что получилось в итоге.

Первоначально глава V части II носила название «Развитие советской историографии в условиях «культы личности» (начало 30-х – середина 50-х гг.). Глава открывалась двумя эпитафиями. Это цитата из Программы КПСС 1961 г.: «Культ личности ведет к принижению роли партии, сковывает развитие идейной жизни партии и творческую активность», и выдержка из доклада М. А. Сулова на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в 1962 г.: «Особенно тяжелый вред нанес культ личности исторической науке» [5, л. 1]. Во второй редакции эпитафии были сняты, а глава стала называться «Развитие советской историографии в годы строительства социализма, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (30 – середина 50-х гг.)» [4, л. 1].

Первоначальный авторский текст содержал целый ряд экспрессивных характеристик историографии сталинской эпохи. О. Л. Вайнштейном высказывались такие, например, оценки: «Число затронутых ими (проработками – Л. Л.) было так велико, что легче перечислить не подвергавшихся проработке, чем имена тех, кто стали в какой-то мере ее жертвами» [4, л. 25], «даже “Вопросы истории” подвергались критике за недостаточное рвение в борьбе с космополитизмом и прочими “извращениями”» [4, л. 19]. Следствием такой политики было «уклонение от творческого риска в исследовательской работе, воздержание от постановок новых проблем, от широких обобщений, элементы конъюнктурщины, антиисторизма, злоупотребления цитатами» [4, л. 26]. «Роль Сталина велика», – отмечал Вайнштейн, но Сталин «не обнаруживал той глубины мысли, широты знаний и общей культуры, которыми отличались классики марксизма-ленинизма...» [4, л. 98]. Наконец, приходя к выводу о поступательном развитии советской медиевистики, Вайнштейн высказался так: «Даже тогда, когда к историкам – жертвам нарушений советской законности присоединялись историки – жертвы гитлеровской агрессии (курсив мой – Л. Л.) в годы суровых испытаний Великой Отечественной войны, работники исторического фронта выполняли свой патриотический долг [4, л. 100].

Приведенное выходило за рамки того, о чем дозволено было говорить вслух и тем более писать. Многочисленные правки, зачеркивания и изъятия авторского текста демонстрируют требования советского историографического дискурса в ситуации окончания политической оттепели.

Например, были вычеркнуты экспрессивные «весьма» и «даже» [4, л. 8, 10], «серьезные возражения» изменены на «сомнения» [4, л. 42], «реабилитация» заменена на «восстанавливая облик» (в сюжете о пересмотре научной деятельности М. Н. Покровского) [4, л. 10] и т.д. Фрагмент «в том числе такого ведущего советского историка, как Б. Ф. Поршнев» исчез вовсе, а эпитет изменился с «ведущего» на «видного» [4, л. 34].

Однако наиболее красноречивым было изъятие приведенных выше характеристик советской исторической науки из окончательного текста «Истории советской медиевистики». Книга вышла в 1968 г. Часть вторая была в ней озаглавлена лапидарно и не несла вообще никаких коннотаций: «30-е годы – середина 50-х годов» [1, с. 81]. Произшедшее в эпоху Сталина надлежало молча принять к сведению и не заострять на этом внимание. Драматизм и проблемы этого периода Вайнштейн сгладил, очевидно, под влиянием указаний сверху. Разумеется, «для ряда произведений советской историографии 30-х – середины 50-х годов все еще продолжал оставаться характерным нетворческий, догматический подход к отдельным, подчас плохо понятым указаниям основоположников марксизма. Но особенно сильно сказывался этот недостаток при использовании некоторых, подчас случайных высказываний И. В. Сталина по вопросам истории, которыми он специально не занимался» [1, с. 86]. Однако «разумеется, неверным» было бы «преувеличивать значение всех отмеченных выше неблагоприятных моментов. Несмотря на их тормозящее влияние, историческая наука продолжала развиваться, продолжали, в частности, выходить ценные исследования по вопросам медиевистики, были подготовлены материалы для больших коллективных трудов...» [1, с. 92].

Таким образом, существовала большая разница между официально провозглашенным обновлением марксизма и реальными возможностями советских историков высказываться и тем более публиковаться без оглядки на неписанные правила и границы. В советской исторической науке на первый взгляд парадоксально уживались широко декларируемые свободы и неписанные запреты. Однако вряд ли это было парадоксом. С одной стороны, однопартийная система и советская идеология не могли оставаться неподвижными и не реагировать на внешние и внутренние вызовы. С другой – отсутствовали подходящие именно для СССР альтернативные или дополняющие идеологемы, применение которых было бы безопасно для официальной идеологии. В таких условиях любые более или менее значимые изменения в гуманитарных науках могли поколебать ее монолитность и

привести сначала к научному, а затем и политическому плюрализму. Этому опасалось руководство СССР, но именно это и произошло после 1985 г.

Список литературы

1. Вайнштейн, О.Л. История советской медиевистики. 1917–1966 / О.Л. Вайнштейн. – Ленинград: Наука, 1968. – 422 с.
2. Каждан, А.П. Трудный путь в Византию / А.П. Каждан // Одиссей: человек в истории, 1992. – Москва, 1994. – С. 35–50.
3. Лебедева, Г.Е. Cathedra medii aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики 1930-х – 1950-х годов / Г.Е. Лебедева, В.А.Якубский. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. – 123 с.
4. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН). Западноевропейская секция (ЗЕС). – Ф. 15. – Оп. 1. – Ед. хр. 10 «Развитие советской историографии в годы строительства социализма, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (30 – середина 50-х гг.) [Монография. Ч. II, гл. V].
5. НИА СПбИИ РАН. – Ф. 15. – Оп. 1. – Ед. хр. 11 «Развитие советской историографии в условиях «культы личности» (нач. 30-х – середина 50-х гг.) [Монография. Ч. II, гл. V].
6. НИА СПбИИ РАН. – Ф. 15. – Оп. 1. – С. 3.
7. Сидорова, Л.А. Оттепель в советской исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. – Москва: Памятники исторической мысли, 1997. – 288 с.
8. Смирнов, В.П. Анатолий Васильевич Адо (1928–1995) // Время и судьбы. Т.4: Новая и новейшая история / В.П. Смирнов; ответственный редактор Г. Н. Севостьянов. – Москва: Наука, 2004. – С. 3–22.

УДК 94(470.43)"1914/17"(930.85)(093)

ББК 63.3(2Р–4Сам)5–7,01

Л 77

Лопатина Екатерина Александровна
Цыганова Яна Михайловна
Самарской областной универсальной
научной библиотеки